Владимир Антонов

ПОЦЕЛУЙ КУВАЛДЫ

Владимир Антонов

Поцелуй кувалды

«Автор»
2017

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос)

Антонов В. Н.

Поцелуй кувалды / В. Н. Антонов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-00110-007-2

Роман «Поцелуй кувалды» – пятая по счёту книга Владимира Антонова. В ней рассказывается о талантливом человеке, наделавшем много глупостей в начале жизненного пути. Вслед за этим последовала роковая ошибка, которая в дальнейшем привела героя к серьёзным последствиям. На фоне происходящего разворачивается его личная жизненная драма. Все персонажи вымышлены. Любое совпадение случайно.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос)

ISBN 978-5-00110-007-2

© Антонов В. Н., 2017
© Автор, 2017

Содержание

1 6
2 7
3 12
4 15
5 17
6 20
7 23
8 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

В. Антонов
Поцелуй кувалды

В самом начале надо не ошибиться и постараться прожить «свою» жизнь…
В. Антонов.

«Ищите смысл, а творите такую бессмыслицу, что и не придумаешь».
Франц Кафка.

©В. Антонов, 2017
© Изабелла Глаз, художественное оформление, 2017

1

Авангард «норвежских шпионов-разведчиков» решил пойти в обход, выбрав самый рискованный маршрут. Мальчишки шли осторожно, ступая по крепкому насту, нависающему над водой. Всего в трёх метрах справа внизу шумно раскатывало апрельские волны незамерзающее Баренцево море. Возглавлял «вражеский отряд» Мишка Филонов – крупный для своих шести лет черноволосый пацан, в самом деле похожий на медвежонка и в котором уже тогда просматривался искатель приключений и неприятностей. Что бы ни говорила ему мама или строгий от занимаемой должности командира БЧ-2 отец, Мишка продолжал поиск того и другого. Если по какой-либо причине он их какое-то время найти не мог, то в этом случае неприятности его сами находили. Так было с капканом на росомаху. Она здорово его тогда покусала, а вакцины от укусов диких животных в медсанчасти не оказалось. Как потом сказал специально приехавший с «большой земли» доктор, чтобы его осмотреть, он мог и не выжить. Такие или подобные случаи частенько происходили. Север, тундра, скука! Мишка же только потемпературил немного и продолжил поиски. Потом была прогулка по морю на льдине. Приключение высшей категории риска! Льдину отнесло от берега уже почти на двести метров, когда её заметил сигнальщик с маяка, и за искателем неприятностей выслали катер… А если бы льдина перевернулась? А если бы катер не завёлся и льдину унесло в открытое море?… Обходной манёвр по насту тоже относился к приключениям высшей группы сложности и опасности. Наст был подтаявшим – апрель! И идти по нему было откровенно страшно. По этой причине отряд отстал от предводителя, а тот, упрямый и неуёмный в стремлении к острым ощущениям и желании «доставить радость» родителям, всё шёл вперёд, не останавливаясь и не оглядываясь.

– Мишка, стой! – Крикнул его помощник в шпионских делах сын начмеда Сеня. – Там опасно. Сам упадёшь, и мы вместе с тобой. – Помощник сделал знак остальным остановиться.

– И вовсе не опасно, – откликнулся предводитель, не поворачивая головы. – Здесь крепко. Тут два таких отряда легко пройдут. Пошли дальше к …

И в этот момент наст обломился! С высоты почти четырёх метров Мишка упал в море вместе с большим пластом подтаявшего снега, но не разбился о камни и не утонул. Там было достаточно глубоко, а подоспевшая волна выкинула его на берег. Это даже было бы весело, если бы не минус пятнадцать по Цельсию!

Командующий отрядом «советских пограничников» семилетний мальчишка по имени Игорь со своего командного пункта наблюдал за действиями неприятеля и видел, как оторвавшийся от своего отряда «шпион» Мишка рухнул в море. Он выскочил из укрытия и закричал:

– За мной! Все на помощь! Мишка тонет!

Отряд бросился спасать смельчака. Его вытащили, но к моменту, когда они все вместе – и «вражеские шпионы», и «наши пограничники», – дотащили Мишку до медсанчасти, он уже почти превратился во льдинку. Тот же доктор с «большой земли» назавтра поставил диагноз воспаление лёгких… Вот так он и рос в поисках и находках, которые по странному замыслу всевышнего чаще всего приводили Мишу Филонова к настоящим и вполне реальным неприятностям на протяжении всей его жизни.

2

Раннее детство запомнилось постоянным отсутствием отца. Он плавал, возвращался и тут же пропадал. Потом ненадолго появлялся и снова уходил в плавание. Мама запомнилась, наоборот, тем, что всегда была… Она была настолько везде и всегда, что маленькому Мише очень сильно захотелось поступить в Нахимовское училище уже в десять лет и там от неё спрятаться. Так оно и получилось. А ещё за десять лет до этого последняя из четырёх сестёр со звонким именем Маргарита и фамилией Срулевич вышла-таки замуж больше не по любви, а чтобы поскорее избавиться от этой фамилии. До этого, ещё в шестнадцать, она избавилась от очень не нравившегося ей имени Ревекка. Она просто поменяла Ревекку на Маргариту. Так она стала называться Маргаритой Филоновой! А потом родила Мишу…

В 1969 году, когда Мише исполнилось семнадцать, он окончательно решил продлить военно-морскую династию, начало которой заложил ещё его прапрадед по отцу во времена Крымской войны. Отец, Вениамин Яковлевич, рассказывал:

– Во флот тогда попадали многие мальчики из хороших образованных еврейских семей. Достаточно было отказаться от веры предков и принять православие, чтобы тебя допустили до экзаменов на поступление в морское училище. Адмирал Нахимов, подлинная фамилия которого была вовсе не Нахимов, – яркое подтверждение того, что это было сделано правильно и своевременно.

– А мне и отказываться ни от чего не надо, – сказал Миша, – у нас и в стране, и в семье полный атеизм и безбожие. Ты, папа, четвёртый, а я буду пятым Филоновым – военным моряком!

После этого он подал документы в Училище подводного плавания имени Ленинского Комсомола и легко поступил, поразив приёмную комиссию отменным знанием математики и физики. Ещё в школе учителя заметили в талантливом мальчике склонность к необычным решениям и способность анализировать всевозможные ситуации вплоть до абсурдных. Даже в них Миша умудрялся находить рациональное, основываясь на котором впоследствии, уже в училище, на тактических занятиях находил решения, позволяющие выиграть бой или уйти от преследования. Как это часто случается с талантливыми детьми, особенно с мальчиками, в половом развитии он немного задержался. Вообще, создатель, работая над своим очередным творением в лице Миши Филонова, немного перестарался с формированием думающей части тела – она у него получилась отменно! Хорошей округлой формы и неординарно соображающей с быстротой, не уступающей скорости средней мощности вычислительной машины тех времён типа «Проминь». А в отношении остального, наверное, у него просто не хватило времени. Миша вырос большой и неуклюжий, застенчивый и нерешительный в отношениях с прекрасной половиной человечества, с представительницами которой у него очень долго ничего не получалось. Да и потом тоже не очень …

Красивая девочка Катя, с которой Миша не так давно познакомился на танцах в училище, сама взялась форсировать их отношения, чувствуя, что этот тюфяк никогда и ни на что не решится:

– А давай пойдём куда-нибудь, где мы будем с тобой вдвоём и больше никого, – предложила она после того, как ей окончательно надоело бесцельно ходить по улицам или высиживать в кинотеатрах и смотреть скучные картины про подвиги строителей социализма.

– Я знаю, куда мы можем пойти, – ответил ей Миша. В его голове возник вариант, что он договорится с мамой, и та, взяв с собой папу, пойдёт к кому-нибудь в гости, а он тем временем с Катей… Это сработало. Мама согласилась. Она ещё сама помнила, как была в такой же ситуации с отцом Мишеньки всего-то двадцать лет тому назад, когда он был курсантом… А потом была катастрофа. У него до этого дня не было опыта интимного общения

с женщинами, но об этом знал только он один. Кате он тоже не сказал. Ему казалось, что это стыдно не иметь опыта в восемнадцать лет. Когда они, наконец, остались вдвоём и она расстегнула две верхних пуговицы своей кофточки, Миша заикающимся голосом спросил:

– А мне что делать? – и отвёл глаза в сторону. Кате бы сообразить, что он напуган, растерян и действительно не знает, с чего начать. Но вместо этого она начала его поддразнивать:

– Мальчик не знает, что ему делать? – она едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. – Мальчику надо расстегнуть штанишки, а потом их снять. Потом мальчик может помочь своей девочке снять её одежду.

Миша глубоко вздохнул и обречённо начал расстёгивать форменные брюки…

– Продолжай, не останавливайся, – сказала насмешница, когда из одежды на нём остались только настоящие флотские трусы, и уже через мгновение громко и безудержно рассмеялась, потому что без трусов Миша выглядел значительно менее убедительно, чем в них. В общем, ничего у него в этот раз и многократно впоследствии не получалось.

Подобное положение вещей его поначалу конечно же расстраивало, но он с этим в конце концов смирился. В ответ на рассказы друзей-подводников об их громких победах над североморскими легкодоступными шалавами он обычно иронично улыбался и произносил банальную фразу про «каждому своё». Он как бы говорил им – горе победителям, – что эта пятиминутная и потная суета на панцирной скрипучей койке, подогретая литром дешёвого шмурдяка, не стоила никоим образом того удовольствия, которое он, Миша, получил от знакомства с изысканными текстами Ларошфуко, найденными в читальном зале городской библиотеки. Тонкое ощущение им прекрасного плохо вязалось с его иссиня чёрной щетиной, которая даже будучи тщательно выбритой всё равно проступала на Мишкиных щеках. Он, к тому же, для усиления устрашающего эффекта научился хмурить лоб и вращать чёрными глазищами. Всё вместе делало его похожим на медведя с лицом безжалостного арабского террориста. Чтобы немного сгладить этот эффект, командир подводной лодки, на которую Мишка попал по распределению после училища, разрешил ему носить короткую во всё лицо бороду. На самом деле стало ещё страшней, но отменить свой приказ командир уже не мог, чтобы не подвергать сомнению собственный авторитет.

Служба – она и есть служба! Ничего хорошего. И ничего интересного. Думать почти ни о чём не надо – за тебя всё решает командование. Инициатива наказывается. С вечера тебе говорят, что завтра одеть и куда идти. На подводной лодке ещё хуже – там некуда идти, кроме как в красный уголок изучать классиков марксизма – ленинизма и материалы прошедшего съезда советских коммунистов. Видимо поэтому из молодых офицеров-подводников очень часто в будущем получались хорошие замполиты. Перечитав в автономном полугодовом походе все свои и товарищей книжки, многие шли от скуки именно в красный уголок и зачитывались ленинской лирикой. Его письмами к Мартову, Каутскому, Троцкому и другим инакомыслящим революционерам. Некоторые читали вслух, оттачивая риторику… Так вот, время в походе делится на вахту, после вахты, приём пищи, сон и перед вахтой, а потом по новой: вахта, после вахты, приём пищи … Конечно, боевая тревога тоже бывает. Срочное погружение или, наоборот, немедленное всплытие. Учения как праздник! Из развлечений – политинформация, обед и раз в полгода посвящение в подводники новеньких салажат-матросов, только что прибывших на лодку после «учебки». Опять-таки красный уголок с портретами и собранием сочинений вождей. В общем, полная жопа! Поэтому, когда лодка возвращается на базу, в этот же день приходит понимание, что такое счастье и свобода. Но не для всех. У кого нет жены или подруги, у того счастье отсутствует. Только свобода! Не обременённые семьёй молодые лейтенанты свободой распоряжались по-простецки незамысловато. В увольнение – и сразу в ресторан! Не отпустили в увольнение? – Тогда взяли спирта и к кому-нибудь домой в гости, чтобы немедленно набухаться и задать вектор настроения на время, которое быстро пролетит до следующего похода…

Команда «Срочное погружение» прозвучала как выстрел! Резко, тревожно и с каким-то оттенком безнадёжности. И в самом деле, к концу учений шансов выбраться из ловушки, подстроенной условным противником, у подводной лодки КМ-17 практически не оставалось. Напряжённость нарастала по восходящей! Когда ситуация достигла критической, к командиру лодки обратился старший лейтенант Филонов:

– Товарищ командир, я тут кое-что придумал и….

Командир прервал говорящего нервным движением руки, как бы отмахиваясь от уже не такого молодого офицера.

– Да знаю я все ваши придумки, – добавил он раздражённо, – не до придумок сейчас. И вообще, научитесь, наконец, обращаться по форме, товарищ старший лейтенант.

В голосе капитана первого ранга чувствовалось раздражение. Он вспомнил про китов, которых корабельный аналитик Филонов, не так давно назначенный на эту должность по ходатайству самого командира, предлагал использовать в случае отказа навигационной системы. Вспомнил погоню за косяком сайды, который тот же аналитик Филонов принял за американскую подводную лодку. И неудивительно, что погнались за косяком. Позже выяснилось, что в этот день Миша выпил какой – то гадости, которой его угостили на берегу, а запил он эту гадость обыкновенным «шилом», потому что доктор спирта не дал. Вот и вышел конфуз на весь флот! Мише и в самом деле привиделась на локаторе вражеская подлодка. От нехороших воспоминаний командира отвлёк настойчивый голос аналитика:

– Товарищ командир, Павел Сергеевич! Сегодня как раз полнолуние. Всё должно получиться. Вода через два часа поднимется на максимальную высоту, и мы сможем уйти на дизелях. Ну, может, зацепимся слегка за дно. Но это не страшно – там песок. «Продуемся» по максимуму и хрен кто нас достанет…

Капитан первого ранга Орефьев тяжело вздохнул и сам себе приказал выслушать Михаила. Суть его плана заключалась в том, чтобы двумя обманными залпами «холостых» торпед в противоположных направлениях ввести в заблуждение противолодочные корабли «противника», а самим пройти по мелководью вдоль берега в ночное время в момент самого высокого подъёма приливной волны. Немного подумав, командир план принял.

Ночью лодка прорвалась к «своим», тем самым выиграв «сражение», только что казавшееся безнадёжно проигранным. Старшему лейтенанту Филонову за находчивость и сообразительность была объявлена благодарность от командования флота! Эта находчивость и умение преодолевать любую критическую ситуацию в дальнейшей жизни не раз выручали Мишу, да и саму жизнь ему спасали неоднократно. Именно в этом «боевом» походе Миша приобрёл не только уважение сослуживцев, но и своего будущего покровителя в лице командующего группой противолодочных кораблей «противника» капитана первого ранга Совейко Григория Степановича. План, который был блестяще разработан Мишей, произвёл на него сильное впечатление. Уже тогда, прокладывая себе дорогу в аппарат высшего командования флота Советского Союза, будущий адмирал начал подбор талантливых офицеров. Офицеров, из которых можно было бы составить отличную команду, способную решать сложные вопросы и на которых можно было бы в будущем опереться. Михаила вызвали в штаб флота, где у него состоялась встреча с Совейко… А пока лучший ресторан Североморска со звучным названием «Северное сияние» готовился к встрече героического экипажа подводной лодки-победительницы!

Вот так в походах, в победах и недоразумениях прошло десять лет. Всё это время было холодно, зябко и поэтому противно – Север! Но служба продолжалась. Обзавестись постоянной подругой Мише пока не удавалось. Он изредка пользовался дешёвыми услугами североморских жриц любви или голодных до секса молодых работниц рыбоконсервного комбината, большинство из которых были недавно освобождены из колонии строгого режима

и переведены на относительно «вольный» режим. Колония располагалась недалеко от комбината, а сам комбинат находился в тундре рядом с морем в посёлке пятнадцать километров южнее базы подводных лодок в Губе Оленьей. Попасть туда можно было только по суше. Катера в том направлении не ходили. Приблизительно на середине пути от посёлка до базы кем-то когда-то был сооружён маленький деревянный домик. Наверное, ещё во вторую мировую. Крыша в нём давно прохудилась, а двери и окна сами по себе исчезли. Но именно там проходили жаркие любовные баталии молодых моряков с ароматно пахнущими рыбой такими же молодыми передовицами производства с консервного комбината. Во время каждой встречи они заранее договаривались о следующей. Если по какой-либо причине он или она на встречу явиться не могли, то в большинстве случаев появлялась запыхавшаяся от восьмикилометровой пробежки замена. Тоже «он» или «она». А иногда и вообще двое новеньких встречались там впервые. «Знакомство вслепую!». Секс на крайнем севере был в дефиците, и относились к нему расчётливо и изобретательно. Опять-таки общефизическая подготовка сильно пьющей морской братии существенно укреплялась от пробежек на свежем воздухе. К сожалению, это всё прекращалось при температуре ниже двадцати градусов мороза. При такой температуре появлялся реальный риск отморозить наиболее важные для моряка части тела во время любовного сеанса. А можно было и вообще не добраться до «уютного гнёздышка». Минус двадцать в тундре, да ещё если с ветром… Но как бы странно это не прозвучало, но впервые в жизни Миша по-настоящему влюбился именно здесь! Его избранница только что освободилась после пятилетней отсидки. Её звали Света, она была маленького роста, но с идеальной фигурой то ли женщины, то ли подростка, и на вид представляла из себя абсолютно невинное существо. Портрет дополняли огромные зелёные глаза, невероятно длинные ресницы и маленький ротик со слегка припухшими губами… В этот раз Миша оказался здесь в качестве «вынужденной замены» и на самом деле не очень-то сюда и стремился. Просто обещал в случае чего подменить товарища и вот… А со Светой всё было наоборот. Последние два года в колонии она была лишена свиданий с мужем, поскольку тот решил её больше не ждать. Всё очень просто. По этой причине сексуальный голод уже не в первый раз толкал её в путешествие к домику в тундре, где она до сегодняшнего дня уже несколько раз встречалась с Мишиным сослуживцем. Когда Михаил добрался до «дома свиданий», Света была уже там, наполненная нетерпеливым желанием. Сидя в углу домика на округлом куске дерева, она услышала шаги, и тут же в дверном проёме, практически полностью заняв его собой, возник «снежный человек» – огромный, неуклюжий, небритый… Она от неожиданности испугалась. По телу прошла противная дрожь. Тот, которого она ждала, был на голову ниже Миши и почти на полцентнера легче. Испуг отчётливо отражался в её глазах, и это делало Свету очень похожей на беззащитного ребёнка. Миша оторопел. Ему захотелось её пожалеть и приласкать… ни на мгновение в голову не пришла мысль о возможной половой близости с этой маленькой женщиной – на вид девочкой.

– Не бойся меня, – промямлил он, – я только с виду такой страшный. – И тут же обезоруживающе улыбнулся белозубой улыбкой. – Если ты боишься, то давай просто поговорим, а заниматься тем, что мы привыкли называть любовью, не будем. Меня звать Миша. – Он подошёл поближе к маленькой женщине и присел рядом с ней на корточки. Потом протянул к ней руку и нежно погладил. Света немного расслабилась, страх ушёл… Он потянулся к ней губами и осторожно поцеловал в лоб, зацепив краешком губ переносицу. «Какие великолепные, длинные ресницы!» – чуть ли не вслух про себя вымолвил Миша и… пропал. Волна нежной страсти накатила и накрыла его с головой. Почти то же самое происходило и со Светой. Не привыкшая к ласкам и нежности, она неожиданно ощутила теплоту той же самой волны… Затем, забыв обо всех разочарованиях, отчаянно голодная до мужского тела, она в прямом смысле накинулась на Мишу и в течении двух часов сначала «перечеркнула» весь его предыдущий сексуальный опыт, а потом стократно расширила его познания в области

любовных отношений между мужчиной и женщиной. Сначала она повалила его навзничь на земляной пол и, когда только она успела снять трусики? слегка разведя ноги, прижалась влажной промежностью к его жесткой щетине. «… делай что-нибудь, Мишенька, – стонала она, прижимаясь всё сильнее и сильнее… – ещё… так хорошо… ещё… дай мне его…» – она резко развернулась над Михаилом и обеими маленькими ручками проникла в глубину его флотских брюк, продолжая двигать ягодицами и чувствуя Мишин язык и губы. «Сучка… маленькая развратная сучка, – не соображая, что он говорит, стонал в экстазе Михаил, – извращенка! Я тебя обожаю…». Запах молодой женщины сводил с ума и наливал силой плоть. На какое-то время Мишин мир стал разноцветным с преобладанием нежных оттенков. Им было очень хорошо вместе. Они встречались ещё несколько раз, и неизвестно, чем бы закончилось всё это, но ситуацию разрешила «автономка», которая на полгода разлучила Мишу с его первой настоящей любовью. Когда он вернулся, Светы на комбинате уже не было. Её «пропажу» Михаил расценил, как самую большую потерю в своей жизни. Он даже предпринял попытку разыскать Свету, но на комбинате ничего сказать о ней не могли или не захотели. Она просто исчезла.

В одном из не очень долгих плаваний после очередной вахты Миша задумался. Он вдруг понял, что ему уже за тридцать, а жизнь ещё и не думала начинаться. Всё, что с ним до этого происходило, не называется жизнью. Это можно было назвать как угодно: существование, служба, биологический процесс, но только не жизнь. Он загрустил. По возвращении на базу бывший капитан-лейтенант и потомственный моряк Миша Филонов получил очередное звание капитана третьего ранга, а страна почти одновременно с этим получила нового генерального секретаря бессменно правящей партии. На этот раз здорового и молодого. Он сразу ошарашил страну заявлениями о готовящейся перестройке и уже начавшейся гласности. Появились книжки, которые было интересно читать. Самиздат начал терять привлекательность и актуальность. Заработали кооперативы. Всё это очень радовало и вдохновляло, и вдруг… Нет! – Конечно, такого никто не ожидал. Это как кинжал в спину людям, которые тебе и в тебя поверили. А ты … Эх, Михаил Сергеевич! Ну как же можно было лишить великий народ основной национальной забавы? Мы же этим гордились, мы же считали себя самыми пьющими и сильными в мире. Мы же со стаканом в руке могли победить весь мир! Да и побеждали уже не раз. И что теперь?…

– А ничего! – сказал сам себе капитан третьего ранга Филонов и подал рапорт на увольнение из рядов Советского Северного Флота. – Мало того, что весь Северный Флот – это одна большая жопа, так ещё и не выпить?! Да пошло оно всё именно туда… – Включив свой аналитический ум, Миша Филонов без большого труда просчитал, что всё закончится плохо. Сначала для всего флота великой страны, а потом и для самой страны. «Жаль, но, похоже, противостояние с Западом на этом мы просрали. Трезвый генерал командует трезвым солдатом? – Нет! – это не для Советской армии и флота!.. Трезвый боцман – вы такое видели?».. Получив расчёт и военный билет, в котором стоял штамп «Уволен в запас», он купил билет на самолёт в Ленинград, где жили его отец и одна из тёток.

3

Труднее всего было в самом начале. Отец, не так давно сам вышедший в отставку, поступка сына не оценил. Более того, этот поступок его очень расстроил. Ему показалось, что Миша захочет жить вместе с ним и с его новой молодой женой в одной квартире в Ленинграде: «Ты должен меня понять, Михаил, – сказал отец, – квартира совсем маленькая, и нам здесь просто не поместиться. Тебе лучше уехать к матери в Москву». Сын слова отца понял правильно, он был к этому готов. По-военному кивнув на прощание, он вышел на свежий морской воздух Финского залива и пошёл куда глаза глядят. С залива подул сильный балтийский ветер, холодный, но всё-таки значительно теплее, чем северный. «Ну и ладно, – произнёс вслух Михаил, поёживаясь на ветру, – чего-нибудь придумаю. Да когда же закончится этот холод?… – Он неожиданно для самого себя вдруг разозлился. Только пока ещё было непонятно на кого. – А ты что себе нафантазировал? Решил, что папочка тебе обрадуется, поставит раскладушку на кухне и скажет: «Поживи с нами сынок, пожалуйста!». Тоже умник выискался. К маме в Москву придумал. Да нужен я этой маме…». Глаза вскоре разглядели какое-то скопление народа. Это оказался небольшой городок аттракционов на Васильевском острове. Там было многолюдно и весело. Миша решил немного поразвлечься, чтобы исправить настроение с грустного на противоположное. Он подошёл поближе к народу и остановился в раздумьях. Заметив его растерянность, к нему подбежала молодая женщина – работница городка аттракционов. Она была достаточно высокого роста, плюс десять сантиметров каблуки, блондинистая и очень яркая. Она была совершенно не похожа на всех его знакомых северных подруг. Она улыбалась и излучала! На какое-то время Миша потерял способность разговаривать.

– Мне кажется, молодой адмирал не знает, чем ему заняться и куда потратить деньги? Могу помочь …

В этот момент способность разговаривать начала к Мише возвращаться. Когда она к нему вернулась полностью, Галя – так звали эту красавицу, – уже заканчивала обмен его денег на месячный абонемент на все аттракционы. Возражать было поздно, поэтому Миша попытался извлечь выгоду из сложившейся ситуации:

– А не согласились бы вы, очаровательная девушка, показать мне это… даже не знаю, как назвать… э-э-э… сад развлечений? – спросил он Галю. Она оглядела его нескладную фигуру и легко согласилась, сопроводив согласие словами:

– Какой же Вы смешной. И почему Вы не в берлоге? Ведь сейчас зима, а медведи зимой спят каждый в своей берлоге…

Выяснив, что берлоги у Миши нет, Галя потом также легко согласилась сдать ему комнату в своей двухкомнатной квартире здесь же на Васильевском. Так Миша Филонов оказался сначала в Саду Развлечений, откуда прямиком попал в Сад Радости. По прошествии всего двух недель Галя с ещё большей лёгкостью приняла предложение Миши Филонова взять его фамилию вместе с самим Мишей, его недостатками и со всеми вытекающими из этого последствиями. Наконец, впервые в жизни ему показалось, что он был счастлив!

– Я счастлив, ребята! – сказал он, встав со своего места во главе свадебного стола. – Счастлив… – и смущённо улыбнулся.

– Горько! – крикнул кто-то из молодых офицеров – бывших сослуживцев Миши, приехавших погулять на его свадьбе. Свадьбу отпраздновали по-настоящему, по-флотски!

Теперь надо было учиться жить! Потому что до встречи с Галей он не знал, что такое жизнь. И что такое счастье он тоже не знал. Только по книжкам, которых перечитал множество. Помимо счастья и неведомой ранее любви к женщине, Света не в счёт, встреча с

Галей оказалась для Миши по-настоящему судьбоносной. Она определила всю его последующую жизнь. Началось с того, что она начала отучать Мишку от флотской дисциплины и слова «надо». Вскоре он легко мог позволить себе опаздывать на работу и не обращать внимания на замечания начальника – заведующего аттракционами товарища Мухина. Это было непросто, но Миша справился. Продолжая работать над собой, он вскоре научился тому, о чём даже и подумать до этого не мог. Он научился нечестным поступкам, таким как продажа уже использованных билетов по второму кругу. На этом делались неплохие по тем временам деньги. За день иногда «выстреливало» по пятьдесят рублей. Чем не жизнь? Мише она откровенно нравилась. Можно было часто обедать в ресторане или в каком-нибудь гриль-баре при центровой гостинице типа «Ленинград» или «Москва». А то и в Пиццерии, недавно открывшейся на улице Рубинштейна. Как красиво звучало название этой забегаловки – «Пиццерия»! Люди стояли в очереди по несколько часов, чтобы узнать: «А что там внутри дают?». Можно было иногда отовариваться в «Альбатросе» или в «Берёзке» там же на Васильевском. Можно было попробовать начать копить деньги на машину. На самом деле выбор был не большой, а как вдруг всего захотелось…

Это желание поначалу дальше первой модели «Жигулей» не шло. Потом постепенно горизонты расширились и захотелось трёхкомнатную квартиру. Желательно на Васильевском острове. Потом «Ладу» – девятку вишнёвого цвета в экспортном исполнении, дачу в Зеленогорске… И колесо закрутилось! Первой попыткой разбогатеть по-настоящему был очень неудачный бизнес-проект по производству партии бижутерии, которую начинающие дельцы решили изготовить из куриных перьев…

Из Сухуми вернулась подружка. Загорелая и переполненная впечатлениями. Но, главное, в ушах у неё красовались невероятно привлекательные то ли серёжки, то ли клипсы. В них каким-то образом к блестящему металлическому колечку были приделаны птичьи маленькие перышки. Что это была за птица – никто не знал, да и зачем?… Идея возникла мгновенно: «Надо сделать партию таких серёжек, пока сухумские дельцы не успели завести их в Ленинград для повсеместной продажи населению». Металлические колечки с изогнутым кусочком проволоки для ушного замка – не вопрос. Замки легко можно было изготовить ручным способом из рыболовных крючков. А вот перышки… Но и этот вопрос был решён быстро и решительно. Миша с женой Галей поехали на автобусе в Стрельну на птицефабрику, где сразу же договорились о покупке куриных перьев. Единственное, что озадачило новых русских бизнесменов, так это непомерная цена товара за килограмм. Да и неудивительно! Перья хозяйка птицефабрики Лидия Петровна продавала кооператорам, специализирующимся на пошиве «итальянских» пуховиков. Они её избаловали высокими закупочными ценами, поэтому продавать дешевле она наотрез отказалась: «Десять рублей за килограмм и ни копейки меньше! И не надо на меня вращать такими страшными глазищами. Я и не такое видела. А не хотите, так и не надо».

Купить таких килограммов супруги решили сразу много, чтобы не ехать в Стрельну ещё раз. Дорога не близкая и автобус не очень комфортабельный. А дело обещало быть сверхприбыльным. В общем, купили двадцать килограмм перьев свежезабитых бройлеров в упаковках по десять килограмм в двух холщовых мешках. Проблемы начались уже в автобусе на обратном пути. Перья оказались немытыми и нечищеными. От них сильно и неприятно пахло. До неприличия. Часть перьев пролезла через мешковину наружу и оказалось, что они все в крови несчастных куриц… Но до дома новые русские бизнесмены всё-таки доехали, сгорая от стыда под неодобрительными взглядами и возгласами попутчиков: «Надо же, совсем сдурели эти спекулянты – куриными перьями торгуют. Миллионы, наверное, воруют… Наши денежки воруют, между прочим. Куда только милиция смотрит…», – и всё в таком духе. Перья занесли в квартиру и поставили в угол, решив заняться стиркой

«товара» уже завтра. Но завтра «товар» отмываться не захотел. Тогда бизнесмены решили перья покрасить, предварительно высушив обыкновенным ручным феном. Перья летали по квартире, собирались в облака, кучковались в углах квартиры и покрывали собой все поверхности, но принимать предложенный им фиолетовый окрас категорически отказывались… И, наконец, терпение испарилось сначала у Миши, а потом и Галина признала их совместное поражение. Сырьё для изготовления бижутерии вынесли на помойку, после чего вызвали сантехника, чтобы прочистить канализацию. Сантехник грязно и продолжительно ругался. Вопросительно посматривал то на Галю, то на Михаила, но раковина в конце концов опять начала пропускать воду. Дворничиха не здоровалась. Впереди ждали новые свершения. Однако, воспоминания о куриных перьях с тех пор никогда их не покидали.

С Гальки, как с курицы вода, а вот Миша две недели ходил грустный и потерянный. Ему, блестящему аналитику образцовой атомной подводной лодки, было очень стыдно: «Не дай бог, ребята узнают – засмеют». Последнее время он всё чаще вспоминал своё недавнее прошлое, сослуживцев, командира и родной Североморск. Мучила мысль о неправильном выборе жизненного пути: «Перья, бл…дь!>>. Жена пыталась помочь, но по-настоящему помогала только водка. Так впервые в жизни Миша угодил в запой, выход из которого поначалу найти было непросто. Просыпаясь ночью в каком-то липком бреду, он наспех накидывал на себя что-то из верхней одежды и «ехал в Североморск». Он не мог сообразить, где сам в данный момент находится, но при этом был уверен, что столица Северного Флота где-то близко. Выскочив на улицу, он ловил такси, коротко бросал: «В Североморск!» и немедленно отключался. Жена находила его обычно под утро где-нибудь недалеко от дома без денег, без шапки и с побитой физиономией – путь в родной город был тернист и труден! Ленинградские таксисты никак не могли найти к нему правильную дорогу или в пятый раз забывали сделать тот самый левый поворот, от которого до заветной цели оставалось совсем немного. Мише приходилось им «помогать», используя логику большого кулака, но часто эта логика поворачивалась против него самого. Потом выход из этой ситуации удалось найти. Точнее, Галя нашла.

4

За всё время Мишиной болезни Галя перебрала много вариантов продолжения их совместной жизни. Не рассматривался только вариант с возвращением на службу. Нет! – только не это! Она вспомнила, что Мишин папа вроде бы еврей, а мама – точно еврейка. А, значит… «Значит надо уезжать! Куда? Ну, конечно, не в Израиль. Что мы там будем делать? – говорила себе Галя. – Мы поедем в Америку». Миша, придя в себя после запоя, к подобному развитию событий оказался не готов. В душе он всё ещё бороздил северные моря, мечтал о службе и не мыслил себя вдалеке от Североморска. Лёжа на старом диване лицом к стене в их уютном, стараниями Гали, гнёздышке на Васильевском острове, он грустил и лениво отбивался от назойливой жены:

– Кто меня выпустит? Я же только год как с лодки демобилизовался. А лодка-то атомная и, значит, секретная. – Миша перевернулся на другой бок, приподнял голову с подушки и вопросительно посмотрел на свою жену, повествующую ему о прелестях заокеанской жизни, одновременно заканчивая лепить на кухонном столе девяносто пятый пельмень. Пельмени были одним из любимейших блюд отставного подводника. Он их мог съесть за один присест пятьдесят штук или даже больше.

– Если ничего не делать, то и не выпустят, конечно, – не отрывая взгляда от девяносто шестого кулинарного шедевра, ответила Галя. – А вот если ходить в синагогу и на демонстрации вместе с другими евреями, которых не отпускают из Союза, то шансы сразу появятся… – За окном завыл ветер, как бы подтверждая сказанное и говоря: «Слушай свою жену, алкаш! Она правильно мыслит. Останетесь здесь, так и будешь остаток жизни перья куриные марганцовкой красить или, ещё хуже, значки с изображением пятнистого оленя… нет, – не то сказал! Я имел ввиду пятнистого вождя коммунистов… Так вот будешь значки с его изображением штамповать на самодельном станке по пятьдесят копеек штука». – Миша оживился и сел. На самом деле идея со значками пятнистого, подсказанная промозглым ноябрьским ветром, его заинтересовала намного больше, чем демонстрации евреев на Красной площади: «Это же надо в Москву ехать, на улице стоять… холодно… дождь… на фиг надо…». Гальке же он ответил:

– Ты это про что? Какую синагогу? Я там в жизни никогда не был. Не было в Североморске синагоги. И в Мурманске тоже не было. Как-то не популярно у моряков Северного Флота было до недавнего времени по синагогам шляться.

– Вот завтра вместе и пойдём на Лермонтовский. Начнём вместе еврействовать!

Чтобы избежать предполагаемых возражений, супруга обмакнула в сметане первый только что сваренный пельмень и всунула его в открывшийся для ответного слова рот Миши. Прожив с ним целый год, Галя выработала систему отношений в их маленькой семье, основанную на принципах павловского учения об условных и безусловных рефлексах. Изголодавшийся по нормальной домашней еде, бывший офицер подводной лодки, который на самом деле никогда и не знал, что такое домашняя еда, он теперь извлекал для себя уроки правильного поведения, за которое сразу следовало вознаграждение в виде котлет, пирожков с капустой или тех же пельменей. Практически, как у Павлова с его собаками. Правильное же поведение означало безукоризненное послушание и выполнение соответствующих приказов командования… В Мишином случае роль командования раз и навсегда взяла на себя его супруга Галина, от которой на завтрашний день поступила команда – в синагогу! Возвращаясь к отношениям, сложившимся в их семье, то они с взаимного согласия супругов напоминали отношения в небольшой воинской части, в которой Миша, как оно и было на самом деле, носил звание капитана третьего ранга, а его жена утвердилась в должности адмирала!

Так начался долгий путь семьи Филоновых в еврейство. В синагоге на Лермонтовском проспекте их приняли как родных. Снабдили соответствующей литературой, обещали помочь с вызовом и другими документами, пригласили на собрание и демонстрацию. Развенчанные писателем Рыбаковым и редактором «Огонька» Коротичем, славные и непогрешимые органы госбезопасности от расстройства потеряли бдительность, и всемирный сионизм мгновенно распространился по квартирам ленинградской еврейской интеллигенции. Там изучался иврит, готовились тексты для декламирования на демонстрации и составлялись списки отказников для того, чтобы с ними мог ознакомиться господин Рейган и госдепартамент США, чтобы потом этими списками запугивать нашего пятнистого продолжающейся гонкой вооружения: «Не отпустишь всех евреев по списку, так мы такую ракету специально для вас сделаем, что вам всем сразу будет крышка! Что скажешь?…». Это работало. Евреев начали выпускать.

На сбор всех необходимых бумаг, включая вызов из Израиля, ушло почти четыре месяца. Эти четыре месяца стали для молодой семьи временем призрачных надежд с расчётом на чудо. Чуда не произошло! В ОВИРе Михаилу объяснили, что с его славным военно-морским прошлым положительный ответ возможен только, если на горе свистнет рак, причём он должен будет свистнуть предположительно не раньше, чем через десять лет. Вечером того же дня на очередном тайном собрании евреев, желающих покинуть родину, Мишу приняли в сообщество отказников. Впереди были годы ожидания, а тайная мечта о возвращении на флот так навсегда и осталась мечтой. Опытные люди из сообщества посоветовали Михаилу быть активным и решительным, то есть превратить самого себя в собственную противоположность. Он решил попробовать и записался на демонстрацию, которая должна будет состояться в Москве на следующей неделе. Как и предполагалось, был дождь и сильный ветер. Десяток демонстрантов еврейской национальности скандировали призывы к правительству, в которых требовали их немедленно депортировать на историческую родину. Невдалеке остановилась милицейская машина и из неё лениво вывалился взвод милиционеров. Полустроевым шагом взвод направился к демонстрантам. Старший приказал евреям разойтись, а в это время с другой стороны подъехала другая машина с надписью во весь кузов «Гласность». Из неё выскочил человек с кинокамерой и тоже направился к демонстрирующим. Его сопровождали двое с микрофонами. Прохожие фотографировали. В каждом втором из них при соответствующей подготовке можно было признать работника иностранного новостного агентства или консульского служащего Объединённого Королевства или США, например. Милиционеры терпеливо подождали, пока включится телекамера и репортёры начнут говорить в свои микрофоны, и только после этого приступили к расчистке участка Красной площади около мавзолея, где топтались евреи-отказники. Для порядка двоих демонстрантов доставили для дальнейшего разбирательства в соседнее отделение милиции, а остальные спокойно разошлись. Среди задержанных был и наш Миша. Он послушался совета ветерана-отказника и вёл себя очень активно-громко кричал и больше других размахивал руками. Милиционеры оценили, но бить в первый раз не стали. В отделении составили протокол, предупредили, что в следующий раз всё будет серьёзнее и отпустили. На ночной поезд в Ленинград Миша успел, и уже утром рассказывал Гале о московских приключениях.

5

Необычно рано разбудил телефонный звонок. Позвонивший назвал себя представителем организации, заинтересованной в отъезде Михаила с семьёй за рубеж. Предложил встретиться и оставил номер своего телефона. Вдохновлённый уверенным голосом звонившего, Миша связался с ним уже назавтра, и они встретились в пельменной на второй линии Васильевского острова.

– Меня зовут Валерий Павлович, – сказал, привстав из-за столика в пельменной, солидный лет сорока высокий мужчина с выразительными серыми глазами. Выдержав паузу, он протянул руку для рукопожатия. Миша не задумываясь протянул свою, по-медвежьи крепкую и волосатую. Ладони мужчин сошлись в плотном захвате, у кого-то из них слегка хрустнули суставы пальцев.

– Михаил, – глядя исподлобья, представился он в свою очередь.

– Хватка у Вас как у медведя, – поморщился первый и слегка потёр кисть правой руки.

– Как у подводника, – поправил Миша. – От того, на сколько крепка хватка, когда лодку «болтает» и надо удержать поручни, иногда в походе зависит жизнь… Так о чём Вы хотели со мной поговорить? – Он отодвинул стул и пристроился за столиком. Запах пельменей слегка дурманил голову не успевшего толком позавтракать нового диссидента.

– О Вас, дорогой товарищ Филонов, о Вас… Точнее, о Вашем будущем. Вам не кажется, что Вы занялись совершенно неперспективным делом? Вы же военный аналитик! Вы же должны понимать, что никто и никогда Вас из страны не выпустит, поскольку Вы являетесь носителем секретной информации…

Михаил прервал говорящего нетерпеливым жестом и резко спросил:

– А Вам-то какое дело и откуда вообще Вы меня знаете, Валерий… эээ… извините..

– Павлович, – пришёл на помощь Мишин собеседник. – Но в знак нашей будущей дружбы, а я уверен, что мы подружимся, Вы можете называть меня просто Валера… Он улыбнулся, и оказалось что улыбка у него открытая и какая-то уж очень располагающая.

«Таким улыбкам учат, наверное, годами, – привычно начал анализировать ситуацию подготовленный к этому ум бывшего подводника. Что он от меня хочет? Пока не ясно. Скорее всего, этот Валерий Павлович из какого-то ведомства, связанного с конторой… Точно! – Контора. Значит будет вербовать… Встать и уйти?… Или всё-таки послушать, что он мне сейчас предложит… Ну что ж, предлагайте, Валерий Павлович». Вслух же он сказал:

– Не так-то просто в нашем возрасте заводить новых друзей… ммм… Валера… но давайте попробуем. Так о чём ты хотел со мной поговорить? – Не выдержав запаха пельменей, Миша подал знак официанту, и тот немедленно подошёл к столику. – Ты будешь, Валера?

Валерий Павлович утвердительно кивнул и, не глядя на официанта, буркнул:

– С уксусом… и водки двести. В графинчике.

Официант вопросительно уставился на говорящего и уже готов был рассказать ему, что в их заведении не наливают и… Но Валера не дал ему возможности это сделать: «Только не говори, что нет или нельзя. Мне можно».

– За счёт какого ведомства угощение? – В чёрных глазах Миши блуждало простое любопытство. Он попробовал угадать: «ГРУ? – Возможно. КГБ? – Ну, это вряд ли. Не их методы, как мне представляется. Кто я для них? – Изменник родины и редкостный мерзавец! Морская разведка? – Они вроде бы в составе ГРУ… Значит ГРУ!.. Хорошо, сейчас, наверное, всё станет ясно».

– Не гони лошадей, Михаил. Придёт время – узнаешь! Давай сначала за знакомство по полтинничку. – Валера обвёл взглядом небольшой зал пельменной, выловил силуэт офици-

анта и окликнул его: «Ты о нас не забыл, любезнейший?». Что-то вполне отчётливо слышалось в вопросе Валерия Павловича, что-то похожее на угрозу или… Официант вздрогнул, метнулся к бару, и через мгновение запотевший графинчик уже стоял на столике. Немедленно вслед за графинчиком на стол взгромоздились две двойные порции только что сваренных пельменей. После выполненного задания официант исчез в глубине зала. – На чём я закончил, Миша? – Валера наполнил стопки, и в этот момент в пельменную ввалились трое дружинников с красными повязками на рукавах. Они направились прямо к столику новых приятелей. По виду старший группы остановился за спиной у Михаила, сделал серьёзное лицо и строго сказал: «Водочкой балуетесь?… Страна, значит, вся в перестройке, а вам наплевать?… Гласность вам книжки разрешила читать и разговаривать, а вам всё мало. Вам водку среди бела дня в графинчике надо пьянствовать… Предъявите документы, граждане алкаши! – Заметив движение Валерия Павловича рукой во внутренний карман пиджака, старший повысил голос: – Мы взяток с никого не берём, так что не предлагайте. Давайте пройдём в ближайшее отделение мили … – и натолкнулся сначала на развёрнутое удостоверение, а потом на Валерии жёсткий взгляд. Настроение продолжать качать права у него сразу пропало. Ему показалось, что лучше всего будет просто покинуть помещение пельменной. Что он и сделал, уведя за собой остальных добровольных блюстителей порядка.

– Кстати, – вернулся к начатому разговору Михаил, – то что мы сейчас лицезрели – одна из причин, почему я решил уехать из страны. Не главная, конечно, но одна из важных, тем не менее.

Валерий Павлович усмехнулся, потом аккуратно разлил из графинчика.

– Давай, Миша, за знакомство! – И не дожидаясь ответа, опрокинул стопку.

Миша последовал его примеру. Мужчины сосредоточились на пельменях, из-за чего молчание за столом немного затянулось. Где-то на половине двойной порции Валерий Павлович вытер рот салфеткой со штампом Василеостровского райпищеторга и в упор взглянул на сотрапезника.

– На чём мы остановились? А, вспомнил. Мы остановились на том, что никто тебе уехать не позволит, несмотря на то, что твои соратники – диссидентствующие евреи, – утверждают обратное. Можешь бегать на демонстрации хоть каждый день. Можешь вообще в Москву переехать и сутками торчать на Красной площади… Не отпустят тебя – не сомневайся. – Валера сделал паузу. Во время его монолога Миша безостановочно и тщательно пережёвывал пельмени, переваривая одновременно и пищу, и сказанное сидящим напротив. Но пока молчал. Тем временем Валера достал пачку сигарет «Мальборо» производства табачной фабрики города Тбилиси и чиркнул зажигалкой. Выпустив три колечка табачного дыма, он продолжил монолог: – В организации, в которой мне посчастливилось работать, есть люди, точнее, один человек, который о тебе, Михаил, почему-то говорит, как о человеке умном и порядочном. Он знаком с тобой ещё по вашим флотским делам…. – Миша оторвался от тарелки и уставился на Валеру. Ему стало интересно, но набитый недожёванными пельменями рот вопроса задать не смог. Уловив этот интерес, говорящий с ухмылкой добавил: – Героическим делам! Не догадываешься? Ну, напряги свой аналитический ум, аналитик! – Миша напряг, но из этого ничего не вышло. – Хорошо, не буду тебя мучить, – сказал его собеседник. Пододвинул к себе графин и разлил по второй. Самодовольно улыбаясь и откинувшись на стуле, Валерий Павлович сначала выпустил в потолок очередную стайку табачных колец, а потом, наконец, поднял стопку: – За адмирала Совейко!

Это произвело эффект… Миша поперхнулся и быстро проглотил всё, что не успел дожевать. По-прежнему не говоря ни слова, он одним глотком опустошил свою стопку и вопросительно взглянул на Валеру. Во взгляде читалось желание закурить. Чиркнула зажигалка, и новая стайка табачных колец вспорхнула над столом.

– А Григорий Степанович-то здесь причём? – Впервые за последние пятнадцать минут произнёс немного дрожащим от неожиданности и настигшего его волнения голосом Михаил. – Последний раз я его видел в восьмидесятом году и ещё минуту назад был уверен, что он про меня забыл. Прошло ведь восемь лет. Странно…

– Да ничего странного, Миша. Григорий Степанович обладает уникальной памятью и никогда ничего не забывает. Иначе бы он не возглавлял отдел, в котором я как раз и работаю. – Валера сел прямо. Разговаривать о своём начальнике, развалившись на стуле, он не мог. Он любил и очень уважал адмирала. Прикурив от почти докуренной сигареты следующую, он продолжил: – Именно Григорий Степанович попросил меня с тобой встретиться и передать привет. Всё, что я тебе сейчас скажу, это всё по его просьбе. Так вот…

На Мишу жалко было смотреть. Он абсолютно растерялся. Имя уважаемого им человека произвело на него какое-то странное воздействие. Он посмотрел на Валерия Павловича:

– Может быть мы на этом остановимся. Это как-то очень неожиданно… Мне надо подумать… – В Мишиной голове никак не мог сформироваться ответ на множество неожиданно возникших вопросов: «Что от меня нужно адмиралу…? Зачем, для чего, почему сейчас…?» – Давайте, Валерий, встретимся с Вами опять через два-три дня и всё обсудим… – Михаил от волнения снова «съехал» на «Вы».

– Точка невозврата, боюсь, тобой была пройдена как раз те самые восемь лет назад, когда ты согласился на предложение Григория Степановича, и твой лепет по поводу «подумать» звучит как-то по-детски не серьёзно. Не находишь, Миша? – Валера снисходительно улыбнулся. Он намеренно не «повёлся» и не принял попытку своего собеседника вернуться к официальному «Вы». Это дало бы возможность тому получить психологическое преимущество в разговоре, в котором очень многое зависело от того, насколько хорошо профессиональный вербовщик делает своё дело. – Да не расстраивайся ты так! Ты же не знаешь, о чём тебя хочет попросить адмирал. Может быть ты обрадуешься! Давай ещё по одной прихлопнем. – Валера разлил остатки прозрачной жидкости из графинчика. Мужчины выпили. Миша немного успокоился: «В конце концов отказаться от всего этого я всегда успею». С этой мыслью он слегка расслабился и приготовился слушать.

6

Значки с изображением Генерального секретаря правящей партии и одновременно первого Президента рабоче-крестьянского государства «шли» так себе. В неделю удавалось продать не больше тысячи значков по пятьдесят копеек в розницу и по сорок копеек оптом. Мелким оптом. Крупным никто покупать не хотел. По дороге домой Галя зашла в Гостиный двор, где увидела очередь. Продавали плавающее детское мыло в форме всевозможных водяных зверушек: рыбок, лягушек, крокодильчиков… Это было в новинку! «В Москве наверняка такого мыла ещё нет, – подумала она, одновременно включив в голове портативный калькулятор. – Там вообще с мылом дефицит. Даже с банным. А это симпатичное, только вот почему крокодильчики розовые? – Калькулятор немного перегрелся и сбился со счёта. Галя «перезагрузилась» и опять начала считать. – Мишка в Москве познакомился с товароведом из одноимённого универмага «Московский»… Надо созвониться и предложить», – приняла решение Галя и встала в очередь. Вечером, дождавшись Мишу, проторчавшего весь день со значками Горбачёва на кузьмоловской толкучке, она подождала, пока муж пристроится на диване, и затем посвятила его в свой план.

– Тебе придётся съездить в Москву и договориться с Надеждой Васильевной насчёт большой партии товара. Посмотри, каких я накупила образцов. Мыло! Но оно плавает!.. В общем, надо найти изготовителей. Будем брать у них напрямую всяких мыльных рыбок и лягушек и переправлять в Москву. Я думаю, им этот зоопарк понравится и они нам закажут… ну, скажем, пять тысяч крокодильчиков. – Галино лицо приняло мечтательное выражение. – Всяко больше получится, чем ты на своих значках зарабатываешь.

Закончив монолог, она вопросительно взглянула на мужа и, тяжело вздохнув, направилась на кухню, где ей опять предстояло лепить пельмени.

– Без вопросов, – буркнул Миша.

На самом деле очередная поездка в Москву ему совсем не климатила. Недавний разговор с Валерием Павловичем изменил его отношение к происходящему. Он больше не чувствовал себя свободным в принятии решений. Появился кто-то, кто теперь решал за него. Он опять выполнял чьи-то приказы. И… странно – это ему нравилось! Ему это действительно нравилось. Он чувствовал себя нужным и готовым выполнять всё, что ему поручат. Он вернулся на службу! Только никто, кроме него самого, этого пока не знал. Даже его жена-адмиральша. Из радиоприёмника на кухне доносились звуки знакомой мелодии. Миша прислушался…

– «Я снова поднимаюсь по тревоге.

И снова бой такой, что пулям тесно…» – голосом Кобзона пело радио.

– Галка, сделай погромче, – крикнул он жене и поднялся с дивана.

Вдохновлённый прекрасным исполнением и самим текстом когда-то очень популярной песни, Миша захотел вдруг сам оказаться в бою… чтоб пулям тесно… Он закрыл глаза и представил себя на белом коне с шашкой наголо… радиоприёмник с Кобзоном тем временем подводили итоги и раздавали обещания:

– «Я всё смогу, я клятвы не нару-у-шу.

Своим дыханьем землю обогрею..».

Миша открыл глаза и подошёл к окну. За окном пузырилась противная слякоть, дул ветер и было холодно.

– Да, не мешало бы обогреться немножко…

Мысль о стопочке «Столичной» ему настолько понравилась, что он тут же выкинул из головы образ бородатого неуклюжего кавалериста-красноармейца, размахивающего шашкой и мчащегося к победе…

17 июля 1986-го года обычная советская женщина Людмила Николаевна Иванова подарила всему миру фразу, ставшую крылатой. Она звучала так: «В Советском Союзе секса нет!» Фраза была сказана не специально. Просто так получилось. Надо было что-то ответить настырной участнице Познеровского телемоста Ленинград – Бостон. Разумеется, участнице с американской стороны. Они все там были настырные и всё время провоцировали наших работниц и домохозяек. И хотя это не соответствовало действительности, но фраза прижилась! Её употребляли по делу и нет. Её использовали журналисты в своих очерках и заметках. Она пестрила в появившихся вдруг в большом количестве анекдотах. Её не уставали произносить известные телеведущие, а сама гражданка Иванова приобрела популярность, хотя и очень стеснялась нечаянно «вылетевшей» изо рта несуразицы. Однако, случившееся не только стало предметом многолюдного обсуждения. Случайно сказанная фраза об отсутствии секса, естественно, вызвала к жизни вопрос:

– «А как сделать так, чтобы он, то есть секс, в Советском Союзе появился?»

Утверждать, что первыми в деле возрождения секса на Руси были именно они, успешные и находчивые кооператоры Лёва Бейлин и Игорь Сафронов не стали. И громко кричать о своих заслугах в этой области тоже не стали… но уже на следующий день после того телемоста в кабинете Игоря закипела работа. Не спавший всю ночь, Лёва настаивал на том, чтобы начать с женской половой гигиены. Под этим он подразумевал организацию «левого» массового производства женских гигиенических тампонов Тампакс. Только надо поменять Там на Тут, в результате чего название Тампакс превращалось в Тутпакс. Это позволяло не попасть под целый ряд статей УК о соблюдении чего-то, связанного с патентной практикой, как, например, это сделали другие жулики с фирмой «Адидас» и «Эриксон». В первом случае армянские цеховики, а ныне преуспевающие кооператоры, наладили изготовление кроссовок «Адди Дас». А во втором эстонские махинаторы оперативно освоили выпуск фонариков и свистулек-аналогов продукции шведской фирмы, – под именем «Эрик и Сон». Игорь активно не соглашался! Он утверждал, что всю ночь работал со статистикой половой жизни современного советского мужчины и пришёл к очень неутешительным выводам. Главным был тот, который настаивал, что в современном СССР пятьдесят процентов мужчин в возрасте до сорока лет уже ничего не могут. В половом смысле, естественно. Конечно, столько бухать! А к пятидесяти годам эта цифра возрастала ещё на тридцать процентов. И что в этой ситуации делать сначала пятидесяти, а потом и всем восьмидесяти процентам «голодных» половозрелых и активных советских женщин той же возрастной категории? Кто ответит? Ответить решился сам Игорь. Его предложение заключалось в том, чтобы немедленно начать выпуск фаллоимитаторов размерами в диапазоне от двенадцати до двадцати пяти сантиметров. Причём механизм ценообразования должен будет работать по возрастающей. То есть, по мере увеличения размера искусственного полового члена возрастает и цена на него. Двенадцатисантиметровый имитатор, например, будет стоить всего один рубль. Купившая его женщина-лишенка, уборщица в детском садике, насобиравшая по карманам мелочи на это приобретение, конечно, понимает, что маловато… У мужа-то все тринадцать раньше топорщились! Но на тринадцать сантиметров уже не хватило, потому что он стоит полтора рубля. Четырнадцать стоит два, и купить его может только заведующая старшей группой этого детского садика. Ну, а пятнадцать сантиметров – пять рублей! А вот это могли позволить себе только сотрудницы РОНО и никак не меньше. А дальше по экспоненте вплоть до жены второго секретаря горкома, которая легко потратила сто пятьдесят рублей за соответствующие её статусу двадцать пять сантиметров! Гениально! Вообще, у Игоря с Лёвой очень часто рождались гениальные идеи, подобные этой. Одно плавающее мыло чего стоило! Но именно сейчас Лёву подвело чутьё и он продолжал настаивать на первоочередном внедрении в производство Тутпаксов. В конечном итоге, решили запускать оба проекта одновременно, и уже

через полтора месяца первая партия разнокалиберных искусственных ху. в появилась в аптеках города – героя Ленинграда. Секс начал возвращаться! Пока друзья спорили, а плавающее мыло варилось в цехах на первом этаже недавно выкупленного здания на Свердловской набережной, старший товаровед отдела хозяйственных товаров универмага «Московский» в городе Москве Смирнова Надежда Васильевна рассматривала образцы мыльных бегемотиков и рыбок, доставленных ей Михаилом по заданию Гальки – адмиральши. Несмотря на несуразные цвета образцов, они Надежде Васильевне в целом понравились, и она предложила Мише подписать договор на поставку плавающего мыла в ассортименте и в большом количестве. Дело оставалось за малым – надо было договориться с изготовителями. Этим Миша и занялся сразу по возвращении из Москвы в Ленинград.

Несколькими днями позже в том же офисе кооператива «Мыльный пузырь» на Свердловской набережной состоялось обычное совещание партнёров Лёвы Бейлина и Игоря Сафронова по поводу увеличения объёмов производства плавающего мыла и нового «хита» продаж – силиконовых фаллоимитаторов. В ходе совещания в кабинет заглянула секретарша и сказала, что какой-то солидный мужчина, по виду военный, зовут Михаил Филонов, просит его принять. Гостю предложили немного подождать, а через двадцать минут его пригласили войти. Одному из партнёров – Игорю, Миша показался знакомым. Точнее, черты лица и манера двигаться напомнили ему… «Нет! – это вряд ли возможно», – подумал Игорь, но на всякий случай спросил:

– Мы с Вами не знакомы?

Михаил уставился немигающим взглядом на Игоря, и тому показалось, что в голове у Миши с огромной скоростью в направлении к детским годам начала откручиваться лента, на которой была записана вся прожитая жизнь. Как это обычно бывает в подобных случаях, начали задавать друг другу вопросы типа:

– А не могли мы с Вами встречаться на балу у Кукушкиных?…. Жаль… А может быть осенью в Батуми в семьдесят пятом?

Вот так, отстёгивая назад год за годом, Миша и Игорь добрались до Кувшинки… Оказалось, что оба помнят своё детство и друг друга, «ты помнишь, как тебя волной выбросило на берег?», только эти воспоминания были спрятаны глубоко под нагромождением жизненных событий большей значимости и важности. Они не виделись тридцать один год! После этого друзья детства стали встречаться часто. Игорь помог с первой и последующими партиями мыла для Москвы. Миша неплохо на этом заработал. В свою очередь он надоумил Игоря насчёт отъезда из Советского Союза и организовал ему вызов. Ему очень не хотелось ехать одному с Галей в эту далёкую Америку. Ему хотелось ехать компанией. С друзьями. В этом смысле общество Игоря его вполне устраивало. Вообще, сознание того, что пересекать границы и устраивать эмигрантский быт в логове капитализма ему теперь предстоит вместе с другом детства, сделало ожидание отъезда менее пугающим. Более пугающим было то подвешенное состояние, в котором Михаил себя ощущал перед предстоящим разговором с адмиралом Совейко.

7

Разговор состоялся через три недели во второй половине дня в уютной квартире в старом доме на Загородном проспекте. При разговоре присутствовал новый приятель Михаила – Валерий Павлович.

– Рад тебя видеть, – Григорий Степанович встал с оттоманки и сделал несколько шагов по направлению к вошедшему в зал Михаилу. Мужчины пожали друг другу руки. Адмирал на мгновение задержал Мишину руку в своей, тем самым давая тому понять и почувствовать, что он действительно рад встрече. Хорошо, что Валерий Павлович успел предупредить бывшего аналитика не использовать его «медвежье» рукопожатие при встрече со старым моряком. – Ты изменился. Поправился. Жизнь на гражданке тебе явно не на пользу, извини… – приглашающим жестом он предложил Мише присесть за стол.

– Здравия желаю, – совсем не по-военному произнёс Миша, чуть было не приставив ладонь к виску непокрытой флотской фуражкой головы. – Извините, товарищ адмирал, я тоже очень рад нашей встрече, но …

– Только не говори, что ты не догадываешься, о чём я хочу с тобой поговорить.

С этими словами заместитель начальника отдела морской разведки Главного Разведывательного Управления Советского Союза адмирал Совейко подошёл к бару и наполнил отличным армянским коньяком два небольших фужера. Миша присел к столу, а Валерий Павлович засуетился. На столе появилась тарелка с крупно порезанным лимоном и горьким чёрным шоколадом.

– Я помню наш разговор восемь лет тому назад, – оторвав взгляд от фужеров, проговорил Михаил, – но ведь это было другое время, и Берлинская стена казалась непоколебимой. Всё изменилось…

– Нет! – Резко прервал Мишу старый морской волк. – Ничего не изменилось! Это передышка… Это только кратковременная передышка! Мы, к сожалению, надеюсь ты это понимаешь, проиграли последний раунд. Но мы профессионалы, и впереди у нас этих раундов ещё много. – Адмирал с двумя фужерами в руках подошёл поближе, поставил коньяк на стол, отодвинул стул и присел. – Победа по очкам не устраивает нашего противника. Ему нужен нокаут… А вот позволить этого мы не можем. Извини, заговорился… – Григорий Степанович поднял фужер. – За Северный Флот! – коротко и ёмко произнёс он и выпил коньяк одним глотком.

Миша молча выпил свой. Он сжался, как пружина, готовый ко всему. Поэтому то, что он услышал в следующее мгновение, его уже не удивило. Подобный сценарий разговора он предвидел.

– На следующей неделе, Миша, ОВИР выдаст тебе разрешение на выезд. Они запрашивали наше ведомство, и мы им ответили, что ты не являешься носителем особо секретной информации, чем сильно их удивили. На самом деле это действительно так. Лодку, на которой ты плавал до последних дней службы, американцы знают практически досконально, и нам это известно. Хотя мы и прикидываемся, что это не так. Что касается лично тебя, то… ты извини, Михаил, – сам виноват, но ты не сознавая, что делаешь, слепил из себя идеального агента, которому очень трудно не поверить. Твои пьянки в последние годы службы, ходки на гауптвахту по причине той же пьянки, драки в офицерском клубе, связь с этой … извини… ты понимаешь, о чём я, уход со службы, твои тщетные попытки заняться бизнесом и, в конце концов, заявление в ОВИР со всеми этими дурацкими демонстрациями и лозунгами – этого больше чем достаточно, чтобы мы обратили на тебя внимание. И не только мы. – Адмирал под впечатлением только что самим им сказанного непроизвольно сменил тон с дружеского на слегка начальственно – возмущённый, но вовремя взял себя в руки и как ни в чём ни

бывало продолжил: – Ты наш идеальный агент, Миша, и ты с этим будешь вынужден согласиться. Тебе не надо ничего делать и беспокоиться. Американцы сами к тебе придут и начнут настаивать на сотрудничестве… ты сразу не соглашайся, но позже… В какой-то момент ты согласишься. Просто дождись этого момента. Поиграй с ними в маятник. Помнишь обряд посвящения в подводники? «Поцелуй кувалды!»

– Неужели вы сами это помните? – Михаил удивлённо вскинул брови. Адмирал улыбнулся.

– Такое не забывается. Мне во время «посвящения» кувалда чуть по уху не заехала. В последнее мгновение увернулся. А то бы не бывать мне подводником! А уж адмиралом тем более. Вижу, что и ты помнишь. В чём там суть? – Григорий Степанович вопросительно взглянул на Мишу… Тот немного растерялся и никак не мог сообразить, что ответить адмиралу. Не дождавшись ответа, старый моряк сам ответил на свой вопрос. – Суть в том, что для того, чтобы качающаяся кувалда не выбила тебе зубы, надо выждать, увернуться и догнать её, «подарив» ей вдогонку флотский поцелуй. Так и ты – уворачивайся, хитри, уступай и только потом подари им тот самый «поцелуй»… А затем вживайся, рассказывай им всё, что знаешь, покажи себя, как аналитик – в этом тебе почти не было равных в те годы, когда ты служил, учи язык, заводи друзей… и жди. Я уверен, что твоё «лихое» прошлое – хорошая гарантия успеха. Тебя проверят, а потом поверят. Скорее всего тебе предложат работу в аналитическом отделе штаба одного из флотов США. Только виски не увлекайся. Среди их морской братии тоже немало любителей провести время за стаканчиком.

На этой фразе Миша как бы очнулся и ему захотелось что-то возразить адмиралу. Но что он мог возразить? Да! – его жизнь действительно была ничем иным, как череда необдуманных поступков, начиная с драк, пьянки и регулярных походов на гауптвахту в период службы на севере и заканчивая «возлюбленной» Светой, осуждённой в своё время за воровство. «Букет!.. бл-дь!» Иначе и не скажешь. На Мишу внезапно накатило чувство вины. Он стыдливо взглянул в глаза адмирала:

– Григорий Степанович, простите меня, пожалуйста, я больше не буду…

В этот момент он действительно сам верил, что больше никогда не будет пить и драться с кем ни попадя. Адмирал от неожиданности громко рассмеялся. Его заместитель – Валерий Павлович, который до этого момента был практически незаметен, тоже не смог сдержать смех. Отсмеявшись вволю, старый моряк вытер проступившие от смеха слёзы носовым платком с вышитыми синими нитками словами «Северный Флот». Он уловил настроение отставного подводника и с остатками улыбки на лице проговорил:

– Ну ты, Михаил, даёшь! Рассмешил, честное слово… Давай я сейчас тебя за твоё прошлое прощу, считай – простил, но только пить и хулиганить ты не перестанешь. Считай это приказом! А прощение можешь считать, если хочешь, индульгенцией… Как тебе удобнее и легче? Пойми, если ты вдруг ни с того, ни с сего станешь хорошим, то тебе никто «там» не поверит. – Григорий Степанович обратил внимание на чуть отсутствующее выражение лица своего собеседника. – Ты со мной сейчас на одной волне? Включай «аналитика» и соображай!

Миша и в самом деле выглядел смущённым. Он осознавал, что фактически ни с какой стороны адмиралу не подчиняется. Отставной офицер и действующий адмирал? – Нонсенс! В уставе подобное даже не упоминается. Но непроизвольно сорвавшиеся слова с просьбой о прощении чётко обозначили истинное положение вещей. В реальности Михаил был, есть и скорее всего всегда будет исполнителем воли старшего по званию и по возрасту адмирала Совейко. Он отогнал смущение: «В конце концов ведь это и есть именно то, о чём я начал думать и мечтать не так давно. Так какого чёрта я тогда здесь сижу и прикидываюсь проштрафившимся салагой. Григорий Степаныч предлагает забыть все прошлые просчёты и ошибки и фактически вернуться на службу, а я… – Внезапно Мишу осенило: – Ведь он же всё обо мне

знает! – этот факт заставил его покраснеть, и опять сделалось очень стыдно. Подумалось: – Он же про куриные перья наверняка прочитал в отчётах, которые на меня подготовили его сотрудники. Этот… Валерий Павлович, вот же гад! Тоже знает. Он, скорее всего, эти отчёты и готовил. Точно гад! И про мыло тоже знает, и значки, и про … остальное… – Стало ещё стыднее и захотелось заплакать от бессилия и безысходности создавшейся ситуации. Под «остальным» он подразумевал, в первую очередь, силиконовые фаллоиммитаторы, партию которых он недавно взял для реализации через Московские аптеки у своего друга детства Игоря. Их производство недавно освоил кооператив, которым как раз и руководил Игорь. Миша заскрипел зубами: – Аналитик атомной подводной лодки Северного Флота СССР торгует искусственными х. ями… блеск! Да здравствует Северный Флот!.. твою мать..». – Глядя на Михаила, адмирал легко считывал эмоциональное состояние своего нового агента и даже немного сочувствовал ему. Он специально выдерживал продолжительную паузу, чтобы дать возможность тому собраться с мыслями и до конца осознать важность и, одновременно, особую ценность его предложения. До этого момента разговор протекал в том русле, в котором и хотел вести его Григорий Степанович. Не зря же так много времени он потратил на подготовку к этому разговору. Он знал о Михаиле Филонове практически всё: привычки, пристрастия, увлечения, друзья, новые знакомства… всё!.. Пауза затянулась, пора было переходить к заключительной стадии, и адмирал подал сигнал своему помощнику. Немедленно около столика возник Валерий Павлович с бутылкой коньяка и наполнил фужеры.

– Ну, давай закругляться. Я уверен, что ты уже принял решение и оно правильное. Ты покидаешь Союз в качестве еврейского эмигранта и, одновременно, моего агента… моего личного агента, если быть точнее. О твоём существовании в моем ведомстве знает ещё только один человек, – Григорий Степанович повернул голову в направлении помощника. – Подписанный тобой договор… не делай удивлённый вид… Да! – тот самый наш восьмилетней давности «договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» – адмирал улыбнулся собственной шутке – ты, конечно, о нём помнишь. Он по-прежнему в силе по всем пунктам. До твоего отъезда мы не увидимся. Все возникающие вопросы ты будешь решать с ним. – Адмирал опять посмотрел в сторону Валерия Павловича. – И ещё… у меня есть ощущение, оно появилось недавно, что тобой уже заинтересовались. Не разочаровывай этих людей. Веди себя естественно, ничего не меняй в своей жизни. Просто готовься к отъезду, как это делают отъезжающие по израильской визе: покупай командирские часы, сувениры, оптику, фотоаппараты, немного того, немного этого. Ходи в гости, прощайся с друзьями, родственниками. В общем, постарайся быть, как все остальные и ничего не бойся… – неожиданно Григорий Степанович прервал монолог, в очередной раз повернулся к помощнику и вопросительно на него посмотрел. Сообразив, в чём дело, Валерий Павлович подошёл к небольшому сейфу в стене, по-простому прикрытому невыразительным зимним пейзажем в незамысловатой раме. Оттуда он достал маленькую коробочку, напоминающую размерами и очертаниями ювелирную, в которой любимой девушке преподносится колечко в надежде услышать от неё короткое желанное «да». Но в коробочке было вовсе не колечко. Валерий Павлович вынул из неё обычную портновскую булавку с чёрной головкой. Немного оттопырив левый лацкан пиджака Михаила, он воткнул в неё булавку. Головка тут же приняла цвет пиджака. Серый. Миша вопросительно посмотрел сначала на помощника, а потом на старшего по званию. – Очередная разработка наших учёных… – немного неуверенно произнёс последний, – новое направление… я сам не понимаю, как она работает. Какие-то потоки пересекаются с какими-то завихрениями… В общем, в момент реальной для её носителя опасности головка этой булавки меняет цвет на оранжевый. Иногда, в момент крайней опасности, ещё и вибрирует. Испытания на сто процентов это подтвердили, хотя я ещё раз повторяю, что я в этом так и не разобрался. Они называют это эффектом Коцюбинского… – Григорий Степанович развёл руки в стороны, как бы говоря этим жестом: «Ну не понимаю я этого

и что теперь делать?». – Не смотри на меня так, Михаил. Я в порядке. Я сначала тоже не верил… Посматривай на неё почаще и никому о ней не говори. Об этой булавке будем знать тоже только ты и я. Валера не в счёт. Глядишь – целее будешь! Всё! Удачи тебе, Михаил! – Адмирал встал, давая понять, что разговор действительно подошёл к концу и пришло время прощаться. Миша подскочил со своего стула, как будто та самая булавка уколола его в мягкое место. Настолько он был перенапряжён и взволнован во время заключительной стадии разговора. Мысли путались:

– А что, если… – начал он предложение, но Григорий Степанович перебил его:

– Никаких «если», Миша. Ты достаточно умён, чтобы справиться с этим заданием, при этом не потеряв ни семью, ни Родину, ни саму жизнь. – Адмирал протянул руку для рукопожатия, Михаил свою…

– «Осторожно! Григорий Степанович, – он сейчас вам руку сломает! – Валерий Павлович вспомнил опять о жёстком рукопожатии Михаила ещё тогда в пельменной и решил предупредить своего начальника. – Он же медведь!»

– Бурый или белый?… или Гризли? – с улыбкой спросил старый морской волк. Ему пришла в голову мысль. Миша с помощником тоже заулыбались. – Давайте, Валера, назовём его Гризли! Звучит и страшно, с одной стороны, а с другой по-джеклондоновски романтично. Послушайте: «Агент Гризли!». Нравится? – Валерий Павлович кивнул, Михаил пожал плечами. Григорий Степанович выдержал паузу. – Ну, вот и с именем агента определились. Теперь и в самом деле всё! Помни про «поцелуй кувалды»!

Адмирал сделал серьёзное лицо, осторожно взял в свою ладонь медвежью лапу своего нового агента и слегка сжал её. Миша ответил таким же осторожным пожатием. Ему очень хотелось обнять старого моряка и заплакать вдруг тоже захотелось, но присутствие помощника адмирала этому откровенно и безоговорочно мешало. При всей своей сентиментальности позволить себе это агент Гризли не мог!

– Прощайте, Григорий Степанович! Надеюсь мы ещё увидимся. И верьте – я не подведу. – С этими словами отставной капитан третьего ранга Филонов по-строевому развернулся и вышел из зала. Валерий Павлович проследовал за ним и вскоре в конце коридора спецквартиры хлопнула входная дверь. Когда помощник вернулся в зал, адмирал стоял у окна с пустым бокалом и смотрел вслед удаляющейся неуклюжей фигуре пешехода, чья походка немного враскачку безошибочно выдавала моряка. Не оборачиваясь, он произнёс: «Плесни по чуть-чуть. Что-то я разволновался… Себя тоже не забудь. – Валерий Павлович без задержки выполнил просьбу своего командира и замер с бокалом в правой руке. – Присмотри за ним, Валера, а то он возомнит себя Джеймс Бондом по-русски и натворит тут всякого. Потом не разгребёшь. Я думаю, недели через две он уедет, а пока…. В общем, присмотри».

8

Отстояв как всегда положенные два с половиной часа в очереди к заместителю начальника Василеостровского ОВИРа и настроившись на хамское обращение со стороны хозяина кабинета, Михаил, наконец, вошёл в этот кабинет. За столом вместо неопрятного и неприветливого майора Кузина сидела наоборот очень ухоженная и располагающая к себе капитан Татьяна Викторовна Ларионова. Оказалось, что за время, прошедшее с последнего отказа, руководство поменялось почти во всех ленинградских районных отделениях виз и регистрации. Из Москвы пришло распоряжение по линии МВД о недопустимости грубого обращения с представителями еврейской диаспоры, вознамерившимся покинуть Советский Союз. Браво мистер Рейган! Вы действительно не просто обещаете, но и исполняете обещанное. Благодаря вашим заявлениям и последовавшими за этим действиями советские евреи не просто получили возможность уехать на историческую родину. Теперь они могли сделать это без дополнительных сопроводительных текстов типа «проваливайте в свой Израиль, жиды пархатые!». Татьяна Викторовна улыбнулась вошедшему «снежному человеку», представилась и предложила присесть. Без лишних слов она открыла папку и достала «обходной лист»:

– Вот это Вам. Посмотрите внимательно. Там, где стоят прочерки, ничего ни делать, ни подписывать не надо. Паспорт сдадите в самый последний момент, когда Вами будут получены все остальные подписи во всех перечисленных инстанциях. С подписанным листом и двумя фотографиями три на четыре – опять ко мне обязательно в тот же день, когда Вы сдадите паспорт по указанному в листе адресу. Вы не можете находиться в стране вообще без документов! Вы это понимаете?… – Татьяна Викторовна опять улыбнулась. Её улыбка настолько диссонировала со смысловым содержанием только что сказанного, что у человека неподготовленного это могло вызвать обыкновенное недоумение. Действительно, великая страна «провожала», а на самом деле просто выставляла за свои пределы своего же гражданина, попутно лишая его звания своего гражданина. При этом за это она собиралась взять с него немалые деньги, отобрать выплаченную кооперативную квартиру жены и выдать «на дорогу» девяносто долларов. Осознав неуместность улыбки, красивая головка Татьяны Викторовны со стороны лица приняла серьёзное выражения, после чего промолвила: – … и я Вам выдам Визу, которая станет Вашим единственным документом до самого дня отъезда.

Михаил молча выслушал хозяйку кабинета. Она ему понравилась. Про себя он подумал: «Здорово, что одна из последних женщин, с которой мне придётся иметь дело и встречаться почти до самого отъезда, такая красивая. Хоть об этом останется хорошая память. А так была бы только осенняя ленинградская слякоть и срань… повезло. – Он свернул в трубочку «обходной лист», поднялся с неудобного жёсткого стула и выжидательно-заинтересованно посмотрел на сидящую за столом женщину. Промелькнула мысль пригласить её поужинать в Метрополь: – А почему нет? Не пройдёт и месяца и меня здесь не станет… и где я окажусь в конце концов тоже неизвестно. У них на западе женщины по слухам недоступные или очень дорогие, а эта Татьяночка…» – Размышления о красивых женщинах на этом внезапно прервались, так как Миша вспомнил, что женат и что скрыть свои подвиги от адмиральши будет делом слишком сложным и того не стоило. Он поблагодарил Татьяну Викторовну за подробный инструктаж и вышел из кабинета.

С такси повезло. Точнее, это было не такси, а старенький «Москвич», за рулём которого сидел интеллигентного вида человек в кепке и очках. Недавно Игорь, его друг детства, просто так, чтобы убить время, рассказал смешную притчу о советском интеллигенте: «Настоящий советский интеллигент не имеет денег. Всё, что он зарабатывает, он тратит на книги, да и зарабатывает настоящий интеллигент мало. По этой причине, когда ему вдруг захочется купить машину, чтобы ездить на дачу в садоводстве где-нибудь в Пупышеве, он не

сможет купить «Волгу». «Волга» – это прерогатива генералитета, кпссэсовцев и руководящих работников городских овощных баз. И «Жигули» не потянет – эта модель принадлежит сообществу мажоров, фарцовщиков и спекулянтов. «Москвич» – сможет, но залезет в кабалу к родственникам и друзьям по-серьёзному. А вот «Запорожец»!.. Собрав с «мира по нитке» и пообещав расплатиться как можно скорее, скажем, лет через десять, интеллигент становится обладателем отечественного аналога немецкой БМВ! Одновременно с этим он обычно меняет и внешний облик. Вязанная шапочка уступает место настоящей кепке, подобной той, которую неизменно надевал, садясь за руль своей «Антилопы», бессмертный Козлевич. И конечно же очки!» – Именно вот такого типа интеллигент и притормозил свой «Москвич» на взмах руки новоиспечённого агента в ста метрах от ОВИРа. Они разговорились. «Таксиста-бомбилу» звали Семён Яковлевич. Недавно его двоюродный брат – тоже интеллигент – покинул страну в направлении еврейского государства Израиль. Но он не набивал с собой чемоданы разным барахлом, чтобы потом продать это барахло на одной из толкучек в Тель-Авиве или Хайфе. Он сделал умнее. Он договорился с Пулковской таможней и спокойно вывез на себе двадцать тысяч американских долларов, которых должно было хватить на первое время. Ну хотя бы на год или даже два. Кстати, если надо, то Семён Яковлевич может познакомить с тем самым таможенником, который всё это устроил. Миша очень сильно обрадовался, записал телефоны Семёна Яковлевича и таможенника, и воодушевлённый тем, как сейчас он расскажет адмиральше про этих двух, выскочил из «Москвичонка», оставив на «торпеде» три рубля.

Рассказ мужа после встречи с таможенником жена Галя выслушала скептически. Уж как-то всё слишком просто получается. Деньги, то есть доллары, надо положить в портфель. Не в карман, не в чемодан, а именно в портфель… И спокойно идти через таможенный кордон, держа его в правой руке. Они там предупреждены и никаких неожиданностей не произойдёт. И за всё за это всего пятьсот долларов премиальных таможеннику! «Что-то не так, – подумала Галя, – но уж больно заманчиво… и чемоданы тащить с собой не надо с этими платками, гжелью, другими русскими поделками на экспорт, телескопами, фотоаппаратами… надо подумать». До отъезда оставалось всего две недели! Пока Галя с мужем думали про таможню и доллары, причём Миша в этом вопросе был категорически настойчив, ближайшие претенденты на их жилплощадь на месте не сидели. Они приступили к активным действиям, чтобы первым быстрее думалось.

Адмиральша лежала на диване и смотрела по телевизору популярную телепередачу «Взгляд» с Владом Листьевым и компанией молодых талантливых мальчишек. Мальчишки брали интервью у разных знаменитостей, пытаясь донести до зрителя отношение известных людей к происходящему. В этот момент крысы огромного размера и в невероятном количестве начали вылезать изо всех углов их маленькой квартиры, сопровождая своё появление отвратительным визгом. Не менее отвратительно завизжала и Галя, когда прямо со шкафа на неё спрыгнуло одно из омерзительных животных. С балкона, где он проводил время в раздумьях в клубах дыма от третьей подряд сигареты, в комнату вбежал Миша, но не закричал, а просто громко выругался по-настоящему, по-морскому, отчего крысы и жена мгновенно перестали визжать. Крысы от страха, а жена от того, что визгом сорвала голос. Попытавшись оценить и проанализировать ситуацию, привыкший находить выход в самых критических положениях, Михаил растерялся… И это понятно. Ведь два последних года все решения за него принимала адмиральша. Но он справился. Посмотрев на Галю, он понял, что рассчитывать на неё сейчас бесполезно. Она выглядела беспомощно и была наполнена текучим липким ужасом.

– Собирайся! Оставаться в этой квартире нельзя. Ты их не победишь, они нас просто сожрут, если мы не уйдём. Поедем к Игорю. Я ему сейчас позвоню.

С этими словами Миша поднял трубку домашнего телефона и набрал знакомый номер. Договорившись с другом, он «активировал» жену, до этого момента пребывавшую в молчаливом шоке. Вместе они собрали самое необходимое, ценное и съедобное, что было в квартире, и вышли на улицу. По дороге, уже в такси, Галя, наконец, обрела дар речи:

– Что это было? Я такого даже представить себе не могла. Я удивляюсь, как я вообще не лишилась рассудка. Ведь это надо же, чтобы эти мерзкие твари просто выставили нас за дверь. Они как будто знали, что мы уезжаем…. даже не верится… они хотят, чтобы мы убрались из страны. Нет, – я, конечно, читала про крыс, что они представляют из себя своего рода цивилизацию особого порядка, но чтобы настолько… Фу, хорошо, что ты меня увёз оттуда. Я больше туда ни ногой. Давай поменяем билеты, я две недели ждать не хочу. Даже крысы говорят, что надо уезжать быстрее. Чего ждать? Паспорта сданы, квартиру и без этих мерзких животных в любом случае надо будет освободить через неделю. Визы на руках. Все эти дурацкие сувениры, часы и фотоаппараты оставим Игорю – он продаст, а что не продаст, привезёт в Вену через две-три недели. У него билет-то на когда?

Миша молчал и согласно кивал головой. Ему и самому было жутковато от увиденного. Он, в отличие от жены, принял произошедшее, как сигнал, как знамение, что ли. В голову пришла совершенно нелепая, дурацкая мысль: «Неужели в Конторе научились управлять стаями крыс и тараканов, чтобы бороться с инакомыслящими? Ведь я же для них диссидент! Тьфу – ерунда какая-то. Действительно, надо валить по-скорому, иначе… Что «иначе» он не придумал, но жене ответил:

– Да, я с тобой согласен, Галчонок. Завтра постараюсь поменять билеты и окончательно договорюсь с таможней насчёт дол… – Миша прервал монолог. В параноидальном возбуждении, вызванном внезапным налётом крыс (а вдруг всё-таки специально обученных), он вообразил, что таксист может быть особым агентом КГБ, приставленным к нему, чтобы отслеживать его действия и сказанное. – Ты только успокойся, пожалуйста, – закончил он начатое предложение и надолго замолчал.

Весь следующий день Михаил провёл в суете. Сначала он встретился с тем самым таможенником, с которым уже встречался и обо всём договорился. Тот посоветовал сначала окончательно определиться с датой отъезда, а потом «обсудить» детали предстоящей операции «Зелень» – так они назвали незаконный вывоз долларовой валюты. Под «обсудить» подразумевалась предварительная оплата в размере пятисот долларов за осуществление самой операции, то есть беспрепятственное пересечение границы с портфелем долларов. Перенести дату вылета оказалось сложнее. Билеты были раскуплены на полгода вперёд. Это если Аэрофлотом. Но Игорь – его друг и активный помощник в вопросах эмиграции, в ответ на его вопрос посоветовал сходить в агентство Болгарские авиалинии. Он сам две недели тому назад купил там билеты в Вену через Софию без очередей и проблем. Миша послушался и уже через пятнадцать минут у него в кармане тоже были желанные билеты. Из важных мероприятий впереди значились только сбор недополученных денег за реализованное мыло, значки Горбачёва и силиконовые члены и «отвальная». На всё на это в его распоряжении оставалось пять дней.

Слово «отвальная» пришло в народ из флота, его многовековых традиций и обычаев. Отвалить (отойти, отвязаться, отплыть…) от причала – означало действие, которое всегда было принято сопровождать чаркой (кубком, бокалом, стаканом…) рома или другой горючей жидкости, пригодной для употребления вовнутрь. Эта традиция всегда добавляла бодрости экипажу судна и помогала на короткое время забыть о предстоящей долгой разлуке с родной землёй и близкими людьми. В случае с Михаилом и его женой разлука предполагалась очень надолго или вообще навсегда. Поэтому к отвальной они подошли серьёзно. Поскольку вход в их квартиру был надёжно заблокирован крысами, провести прощальный ужин с друзьями супруги Филоновы решили не дома, а в ресторане гостиницы Ладожская, где у Галины был

знакомый официант. Пригласили не многих. Двух близких подруг Гали с мужьями и одну без мужа. Игоря без жены. Гале очень хотелось его познакомить с той, которая без мужа. Зачем? Да просто так. Лёву Бейлина с подругой и двух бывших сослуживцев Миши с жёнами. Оба в звании капитана третьего ранга. Из родственников был только племянник Михаила по материнской линии и двоюродная сестра адмиральши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.